

Дихотомия смысла и значения имени собственного в теософии

© А. В. Лахно, 2004

Главный вопрос в теории категоризации имени собственного (ИС) касается наличия или отсутствия у них лексического значения. Значение – это взаимоотношение имени и смысла, которые способны вызывать друг друга в сознании человека¹. В лингвистике сосуществуют две основные теории собственного имени: это теория индивидуализации (Е. Курилович, Б. Рассел, Х. Серенсен), согласно которой собственные имена суть имена индивидуальных объектов, и теория номинации, или отсутствия значения (Ж. Вандриес, А. Гардинер, Дж. Милл, Э. Пулграм, Д. К. Реформатский, Ф. Ф. Фортунатов и др.). Последователи первого направления считают, что наличие одинаковых имен свидетельствует об омонимии имен собственных, которые являются «скрытыми, или сокращенными дескрипциями»², а сторонники второй теории утверждают, что имя собственное лишено лексического значения, его главная функция – номинация³. Ведущий отечественный ономастолог А. В. Суперанская поддерживает теорию отсутствия значения, однако пишет об ослабленной связи ИС с понятиями: «Ввиду особо тесной связи со своими обозначаемыми, вне которой они не мыслятся, имена собственные имеют ослабленную связь с понятиями, с которыми они непосредственно не связаны» [6, 124].

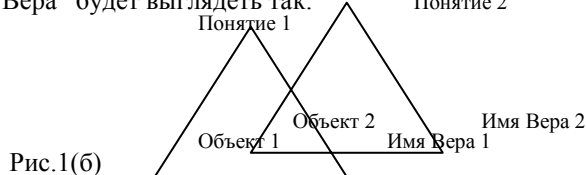
Если схематично отобразить для ИС, к примеру, Вера, связь слова с понятием и предметом в виде треугольника Фреге, то для теории индивидуализации он будет выглядеть следующим образом:

---

¹ См. также идеи Л. С. Выготского, для которого «значение... есть единство обобщения и общения, коммуникации и мышления». Цит. по: *Леонтьев А. А.* Психоллингвистика. Ленинград: Наука, 1967. С.81.

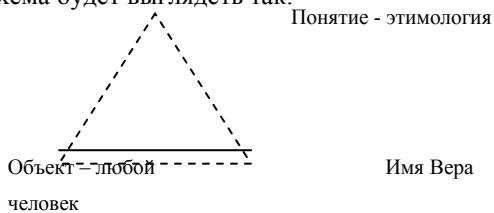
² По мнению Рассела и Серенсена, референт ИС может быть описан либо остенсивным (наглядным) определением, либо посредством «описания, которое уникально удовлетворяется объектом», то есть все то множество различных дескрипций, которые различные говорящие могли бы дать по отношению к данному имени, входит в эту скрытую дескрипцию ИС [4, 136].

³ Ср., напр.: «Имя собственное Иван не может обозначать класс людей, объединенных свойством быть Иванами. потому что такого свойства нет» [5].

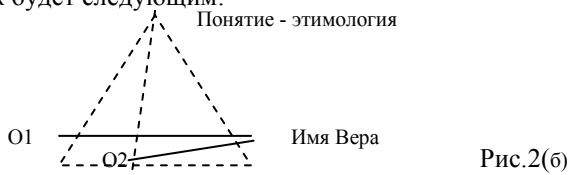

В данном случае для каждой новой девушки с именем Вера потребуется создание новой схемы, уникальной для нее одной.

Для теории отсутствия значения, которая, однако, признает, что имя обладает «смыслом» – внутренней формой, этимологией⁴, эта схема будет выглядеть так:

В данной схеме семантическая редукция обозначена пунктирными линиями. Для многочисленных конкретных объектов, людей с одним именем рисунок будет следующим:

Однако проблема смысла и значения имени собственного не ограничивается исследованиями лингвистов и философов. Имена собственные

⁴ Ср., напр.: «Вообще все имена мотивированы: вопрос только в том, воспринимаем мы их мотивированными или нет...» [3, 136]; те же идеи прослеживаются в работе «Словарь культуры XX в.: Имя собственное» [5].

привлекали пристальное внимание богословов, которые имели свою точку зрения на то, чем являются ИС и какое значение они имеют. Цель данной статьи - попытка осветить размышления ведущих исследователей-теософов о природе и смысле имени. Для этого проанализируем тексты Ветхого Завета на предмет имени собственного.

Имя собственное в Библии

О том, что имени собственному в Ветхом Завете придаётся огромное значение, очевидно каждому, кто знаком с Библией. Достаточно прочитать всего несколько псалмов, чтобы это почувствовать: например, Пс.8.2 – «как величественно имя Твоё по всей земле»; Пс.75.2 – «Ведом в Иудее Бог; у Израиля велико имя Его»; Пс.123.8 – «Помощь наша – в имени Господа, сотворившего небо и землю».

Иногда в Ветхом Завете «имя» настолько тесно соотносится с Богом, что в некоторых текстах оно начинает олицетворять собой само Божество, являющее себя творению или присутствующее среди своего народа. В этом отношении примечательным является Божье обещание Соломону, данное после окончания строения храма: «Я освятит сей храм... чтобы пребывать имени Моему там вовек; и будут очи Мои и сердце Моё там во все дни» (3Цар.9.3).

Существительное «имя» (*shem*) встречается в Ветхом Завете приблизительно 770 раз в единственном и 84 раза во множественном числе. Этимологически это слово связывают с корнем «*waw*» (от араб. «*wasama*») – ‘знак’, ‘печать’, ‘клеймо’ или глаголом «*shamah*» – ‘служить знаменем, знаком’ [5]. В Ветхом Завете слово «*shem*» употребляется в нескольких значениях:

- а) в большинстве случаев это слово означает «имя»;
- б) «*shem*» часто имеет значение репутации, славы и известности;
- в) слово «*shem*» в значении славы, репутации тесным образом связано с другим ветхозаветным словом «*zeker*», которое означает ‘память’, ‘поминание’, ‘памятник’, что в отдельных случаях также имеет значение имени и славы. Употребление «*shem*» в союзе с «*zeker*» служит признаком «увековечивания памяти», как в Исх.3.15: «Вот имя Моё на веки, и памятование обо Мне из рода в род»;
- г) несколько раз слово «*shem*» употребляется в абсолютном смысле и является эквивалентом имени *YHWH*, а также Самого Бога в Его проявлении человеку.

Очевидно, что имя играет в Ветхом Завете особую роль. Это всегда нечто большее, чем просто личное название человека, даваемое при рождении, отличительный признак или титул. Имя для библейского

народа есть фактор самой действительности, отражение личности его носителя. В концептуальном мире древней семитской культуры имя и реальность были тесно взаимосвязаны. Эта связь берет свое начало от самого творения. В книге Бытие содержится рассказ о том, как Бог приводит к человеку животных, чтобы «видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И наречет человек имена...» (Быт.2.19-20).

Вообще при наречении имени в Библии было важно, чтобы человек соответствовал имени, и, наоборот, чтобы имя точно отражало характер личности. Поэтому учитывалось все, что говорилось и происходило во время рождения ребенка. История Иакова – яркий пример библейской ономастологии: «И сказал Исав: не потому ли дано ему имя: Иаков, – что он запнул меня уже два раза? Он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение мое» (Быт.27.36). Во время родов он выходил из чрева матери, «держась рукою своею за пяту Исав; и наречено ему имя Иаков» (Быт.27.26) – «он держится за пяту». Исав, однако, связал это имя с другим семитским глагольным корнем «aqab», означающим ‘обманывать’, ‘вытеснять (хитростью)’, с тем чтобы оно послужило колким выражением самой важной отличительной черты брата – его хитрости. Такое объяснение помогает понять, почему Иакову было дано новое имя – «Израиль», которое усиливает присущую ему отличительную черту.

Библия дает много случаев, когда особенно отмечается наречение имен, причем с самим именем соединяется определенное значение, четко прослеживается внутренняя форма имени собственного – то есть часты случаи мотивированных имен собственных. Например: «И нарек Адам имя жене своей: Ева⁵, ибо она стала матерью всех живущих» (Быт.3.20). Или, например, Быт.30 – вся глава посвящена наречению детей Иакова: «И сказала Рахиль: судил мне Бог, и услышал голос мой, и дал мне сына. Посему нарекла ему имя: Дан» (Быт.30.6); «И сказала Лия: к благу моему, ибо блаженною будут называть меня женщины. И нарекла ему имя: Асир» (Быт.30.13) и т. д.

Перемена в характере, образе действий, социальном положении человека часто фиксировалась изменением его имени. Новое имя говорит о новых возможностях, новом начинании, статусе и новом человеке. Иаков, «обманывающий» брата, становится Израилем – тем, кто борется с Богом: «И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Быт.32.28); Аврам,

---

⁵ Ева – ‘жизнь’.

‘великий (высокий) отец’, переименовывается в Авраама, ‘отца многих’, а имя его жены «Сара», по мнению Элсона Смита⁶, означающее ‘придирчивая’, ‘сварливая’, меняется на «Сарра» – ‘княгиня’: «И не будешь ты больше называться Авраамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов» (Быт.17.5).

В Ветхом Завете очень важным является вопрос наречения имени. Существует мнение, что наречение использовалось для того, чтобы провозгласить власть над именуемым человеком или предметом. В пример приводится Адам, который получил право господствовать над животными, назвав их. Также некоторые считают, что Адам, дав своей жене имя, таким образом завладел ею, стал для нее «господином». Выражение «нарекать что-л., кого-л. своим именем» в ветхозаветном Израиле стало своего рода юридическим термином, который означал ‘взять что-л. во владение’, ‘сделать что-л., кого-л. своим’.

Учитывая столь явную значимость имени собственного в Библии, так заметно отличающуюся от того, что мы видим в обычной жизни, от того, что является предметом исследования лингвистов, становится очевидно, что для теософии имя – совершенно другой концепт, и стоит обратиться к исследованиям богословов, которые трактуют имя в контексте религии.

Учения об имени у религиозных мыслителей

Исследование имени богословы начинают с более общего вопроса – что такое слово? Слово – это первичный элемент, человеческое познание совершается в слове и через него, поэтому он и интересует философов прежде всего. Человек мыслит в словах и его мысль, разум неразрывно связаны со словом, логосом. Исходя из философии Платона, С. Булгаков замечает, что слово – воплощение замысла-формы [2]: «Форма, присущая известному образу, есть энергия, сила, не материальная, идеальная, неразрывная от материи, в ней только сущая... Это есть идеализированная материя...». Звуковая оболочка, однако, тоже имеет немаловажное значение – смысл вложен в звук, срощен с его формой, являя тайну слова.

По Булгакову, всякое слово является отражением идеи. Слова рождаются, а не изобретаются, они возникают ранее того или иного употребления – и это чрезвычайно важно, так как получает продолжение и в философии имени. «Слова, как первоэлемент мысли и речи, суть носители мысли, выражают идею как некоторое качество бытия, простое и

---

⁶ Elsdon C. Smith “Personal Names”. NY, 1988.

далее неразложимое»⁷. Но тут возникает другой вопрос – что значит, что слова имеют значение, каково происхождение слов-идей? Исходя из теории психофизиологии, Булгаков пишет, что «слово возникает из потребности иметь условное и сокращенное обозначение для известного психологического содержания, более или менее сложного... оно представляет собой как бы бумажные деньги в металлической валюте, есть необходимый и полезный суррогат, условная аббревиатура психологического комплекса»⁸. Это означает, что не может существовать мыслей без слов, также как и слов без смысла – эта онтологическая невозможность лежит в природе самой речи и мысли и устанавливает их неразрывность. «Логос имеет двойную природу, в нем нераздельно и неслиянно слиты слово и мысль, тело и смысл». Итак, слова не были изобретены, они существуют в своей первозданности, слово и смысл сопоставляются с идеей и ее воплощением. *Внутренним ядром слова является идея, смысл, а реализация слова в разных языках – лишь оболочка слова.* Говоря, мы возбуждаем в сознании смыслы.

С. Булгаков придерживается концепции единого языка, праязыка, который потом был «смешан», называя языки «наречиями». При доказательстве этого утверждения он приводит цитату из Библии, когда в Пятидесятницу, после сошествия Св. Духа на апостолов, они стали говорить новыми языками, как это и было им обещано Спасителем после воскресения: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками» (Мар.17.17). Дар языков неоднократно отмечался в Библии как проявление благодати Св. Духа и особенного вдохновения. Булгаков понимает это как исцеление болезни, состоящей в «затуманенности смысла», и возвращении естественной, первозданной его прозрачности и единстве, которое было свойственно ему от Адама до вавилонского смещения.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что слово в теософии является символом, воплощением идеи, а не просто набором букв или выражением мысли, и эта мысль чрезвычайно важна для исследования тайны и природы «собственного» имени.

Всякое имя имеет смысл, внутреннюю форму. Однако с ходом времени оно может побледнеть в своем значении, станет звучать как прозвище, кличка – как «собственное имя». Такова судьба многих имен и географических названий. Отличием собственного имени в данном случае является его бессмысленность, отсутствие внутренней формы. Но это же собственное имя станет «нарицательным», если его наполнить

---

⁷ Там же, с. 21.

⁸ Там же, с. 24.

содержанием, дать внутреннюю форму – и примеров тому множество – так появились такие названия, как бойкот, кардиган, шовинизм, сэндвич, грог, никотин, садизм... «Что может собственных платонов и быстрых разумом ньютонов российская земля рождать...» С. Булгаков дает следующую характеристику этому процессу: «сгусток слова расплавляется и переплавляется, получает новую жизнь»⁹.

Рассуждая об отличии имен собственных от имен нарицательных, теософы различают два направления:

- вопрос о природе самого имени и
- вопрос о природе его носителя.

В ходе исследования первого вопроса Булгаков опирается на свое исследование слова – «всякое имя в своем возникновении есть слово, т. е. смысл, идея, содержание; бессмысленных и бессодержательных имен в их генезисе не существует». Только в ходе времени возник класс слов, не имеющих другого значения, как быть именами определенных предметов и лиц, индивидуальными кличками. Таким образом, история имен собственных стала историей так сказать выветривания, линяния смысла, сохранения одного звука. Итак, имя – потерявшая свою внутреннюю форму кличка, «это как бы жест указательного местоимения, звуковым образом окрашенный, или счетный номер»¹⁰, или какой-либо иной значок отличия, вспомогательное средство для наших познавательных операций в экономии познавательных и словесных средств.

Собственное имя в строгом смысле с этой точки зрения даже не является словом, оно стоит на самой грани слова, являясь словом только по звуковой оболочке¹¹. Можно предположить, что имя дается произвольно, по прихоти же и меняется, хотя переименование встречается довольно редко. Однако С. Булгаков доказывает, что, давая человеку имя, мы делаем это не произвольно, имя не является кличкой до конца. Наречение – творческий акт, и в христианском календаре имена даются в честь определенных святых: «имя дается не вообще, но определенного качества, от разных посевов того же имени». Но и имя дает себя взять, говорит Булгаков, просто мы этого не осознаем. Имя, по Булгакову, есть «софийный человек, одно из выражений антропософской его сущности». Таким образом, имя выражает собой определенный духовный тип человека, и даже его общие физиологические свойства.

---

⁹ Там же, с. 235.

¹⁰ Это восприятие имен отражено в литературе, например, в романе Е. Замятина «Мы». Так же в Древнем Риме рабы нередко назывались номерами, не имея имен.

¹¹ Там же, с. 235.

Следуя своей теории слова как воплощения идеи, Булгаков идет далее и говорит, что имя есть идея человека в платоновском смысле. Эта идея, имя, приклеивается неотрывно к данному его обладателю, более того, он становится носителем имени. Его имя есть его *идейное ядро*. «Если его сила обладания удовлетворяется и исчерпывается этим именем, то, напротив, сила имени вовсе *не истощается на одного носителя*, но может изливаться на неопределенное число их. И тогда все они являются его носителями, но ни один не обладает им исключительно: идея и имя, содержась во многих, пребывает и в себе не изменяясь, как из одного корня могут идти многие побеги». Так воплощается платоновское учение об идеях в философии Сергея Булгакова. Имя представляется ему общим, генетическим признаком, философ сравнивает имя (силу, семя, энергию), которое формирует и определяет изнутри своего носителя, с ядром, желудем, зерном, из которого развивается дуб или колос соответственно тому, что заложено в семени. То есть идея дуба будет реализована только в дубовых деревьях, колоса — в колосьях. Так, все Сергейи причастны имени, идее «Сергей», но между ними есть разные, плохие и хорошие Сергейи, то есть лучше или хуже удавшиеся воплощения данной идеи, оттого что почва, на которую брошено то или иное семя, не одинакова.

Подобно С. Булгакову, П. Флоренский ставит вопрос, считать ли имена пустыми кличками, условно присоединенными к их носителям и поэтому ничего не дающими познанию носителя, или же можно найти «форму личности, ключ к складу и строению личного облика, некоторое *universale*, весьма конкретное, весьма близкое к *этости*, *haecceitas* человека, хотя с *этостью* и не тождественное» [7, 184].

Исследуя этот вопрос, П. Флоренский обращается к типологии личных имен. Имена отражают определенные типы личности — не только в смысле психологического склада и нравственного характера, но и в смысле жизненной судьбы и линии поведения. Имя предугадывает судьбу и биографию, считает Флоренский. Это, по его мнению, подтверждают многочисленные пословицы и поговорки об именах, дразнилки, частушки, песни... Он видит внутреннюю необходимость и естественность в фонетической природе таких сопоставлений, в рифме, которая «намекает на единство смысла». Источником исследований Флоренского служат также былины, духовные стихи и легенды и сказки, которые, по его мнению, выразительно представляют биографическое движение личности известного имени, ее путь, судьбу. «Имя — лицо, личность, а то или другое имя — личность того или другого типического склада. Не только сказочному герою, но и действительному

человеку его имя не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты в его судьбу»¹².

Предопределение судьбы начинается в момент крещения человека – «если священник даст крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика – и жизнь сойдет на одно сплошное мучение». И здесь Флоренский пытается раскрыть типическое в имени, при этом *тип* он понимает как предельное *обобщение* действительности, сгущающее восприятие и позволяющее четко узреть и выразить конкретные духовные формы. Имена в своей типической функции, обеспечивающей постижение духовного существа личности, которое «само о себе невыразимо», суть, таким образом, величайшие произведения человеческой культуры, во все времена и у всех народов неразрывно связанные с личностным бытием. «Имя оценивается Церковью, а за нею – и всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея, а святой – как наилучший ее выразитель, свое эмпирическое существование соделавший прозрачным так, что чрез него нам светит благороднейший свет данного имени»¹³.

Как и С. Булгаков, П. Флоренский заявляет, что имя – онтологически первое, а носитель его (хотя бы и святой) – второе. Именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное настроение.

Опровергая мнение о том, что имя является пустой кличкой, он говорит, что мы дарим имя детям своим и не сознаем его *ничем*. За распространенностью и популярностью имен скрывается убежденность, что имена действительно являются ценным даром. «Может быть, имена и *ничто*, но их признают народы за *нечто* и в силу этого признания имена ведут себя в жизни общества как некие фокусы *социальной энергии*»¹⁴. Сама многовековая история имен подчеркивает их значимость и необходимость. «Если бы не было имен, их нужно было бы изобрести», заявляет П. Флоренский.

Опять же в согласии с С. Булгаковым, Флоренский говорит о воплощении идеи имени в человеке, также сравнивая имя с желудем, попадающим в человека как в благодатную почву (так, например, он прослеживает историю имени Яков, говоря, что «от древности и до наших дней с ним, и в больших и в малых масштабах, связаны вихри, около

---

¹² Там же, с. 187.

¹³ Там же, с. 188.

¹⁴ Там же, с. 195.

имени Якова возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет» [7, 200].

Имя – ядро, формообразующее начало. На него наслаиваются социальные, личностные, общественные отношения, культура, привычки и т. д. Имя наиболее обобщенно показывает нам личность, ее индивидуальный тип, без которого она не была бы сама собою. *Имена – инварианты личности*. Они чрезвычайно далеки от прямой связи с внешне учитываемыми признаками, однако они отражают главные линии строения личности в их индивидуальной целостности. Флоренский называет имя *«архетипом духовного строения»*. Они являются наиболее устойчивым фактом культуры и важнейшим из ее устоев. Как нельзя отрицать действительность культуры, связующей человеческий род, так нельзя отрицать и познавательную значимость имен как типов духовного строения.

Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы ее жизни. Но это не значит, утверждает Флоренский, что определенная именем личность не свободна в своем имени – в его пределах. Имя имеет как бы два полюса: верхний – первообраз совершенства, и нижний – полное извращение божественной истины данного имени, однако даже эти полюса остаются инвариантными для данного имени. То есть все носители одного имени, как бы они ни различались между собой, имеют один инвариант духа, один духовный тип. Сравнивая метафору желудя и дуба, можно сказать, что из одного желудя может вырасти мощный красивый дуб или хилое кривое деревце, но каким бы оно ни было, все это будет дуб, а не другой вид дерева.

Исследуя текст Библии, богословы приводят многочисленные примеры тому, как неслучайно нарекаются в ней люди: «И сказал (Агари) Ангел Господень: вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь имя ему *Измаил*, ибо услышал Бог страдания твои» (Быт.16.11). Все три величайших праотца – Авраам, Исаак и Иаков – получают имя свое или непосредственно (Исаак), или через переименование (Авраам и Израиль) прямо от самого Бога. Имя Иисус было наречено ангелом прежде его зачатия во чреве.

Так же глубоко значение и священных переименований, которые осуществлял сам Господь при призвании своих учеников, самых избранных и близких – Петра, Иакова и Иоанна. Булгаков с негодованием отвергает мысль о том, что «Господь просто менял прозвища, занимался изобретением псевдонимов и не было здесь действия по своей значительности отвечавшей его торжественности». Переименования в Ветхом Завете совершались в торжественные моменты, когда определялся ду-

ховный переворот в судьбах Израиля, над праотцом Авраамом и Иаковом, Богом, который именуется Себя Иегова. Не мог же Бог заниматься изобретением псевдонимов или более выразительных кличек? Единственное, что здесь представляется возможным предположить, что это был творческий акт, и Божие переименование есть новое творение. Это не новая кличка, а новое рождение¹⁵.

Заключение

Подводя итог рассуждению о смысле и значении имени собственного в теософии, можно заметить, что хотя имя дается при рождении, оно не является произвольным. Для богословов имя - выражение сущности человека, его бытийной субстанции. «Имя есть неизменное сказуемое для всякого **я**, его эквивалент, откровение о личности, не в отдельных ее частных определениях, но в ядре» [2, 267]. Имя – семя, и оно попадает в человека, как в почву, прорастая и реализуясь. Имя не просто слово, а даже «сгущенное слово». В нем живет не только его семя, но и морфема и фонема. Оно обладает *синергийно-символическими* свойствами еще в большей степени, чем простое слово.

Если попытаться составить схему «слово–понятие–предмет» для теософской традиции, подобную треугольникам Фреге для лингвистических теорий, то может получиться следующее:

Объект – любой носитель
данного имени

Имя Вера

Рис.3(а)

Если же представить схему для нескольких людей с одним именем, то получим следующее:

¹⁵ Ср., напр., ритуал пострижения в монахи, когда человек принимает новое имя, оставляя старое – «прежнего себя», как бы рождаясь заново.

Рис.3(б)

Опровергая позицию, считающую имя собственное лишь прозвищем, кличкой, теософы заявляют, что в содержании имени потенциально заложены (закодированы, запрограммированы) основы будущего характера, поведения, пристрастий и других аспектов жизнедеятельности человека, носящего это имя. Сохраняя свою инвариантность, имя задает некий идеальный образ личности, ее характерологические координаты, намечает границы ее жизни и судьбы.

Литература

1. Библия. М.: Российское библейское общество, 2000.
2. Булгаков С. Философия имени. СПб.: Наука, 1999.
3. Гарагуля С. И. К проблеме категоризации английского личного имени // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 26. М.: Макс-пресс, 2004. С. 134-141.
4. Павленис Р. И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.
5. Руднев В. П. Словарь культуры XX в.: Имя собственное. М.: Аграф, 1997.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
7. Флоренский П. Имена // П. Флоренский. Соч. в 4-х тт. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000.
8. Штейнберг О. Еврейский и халдейский этимологический словарь. Вильна, 1878. Т.1.
9. Переписка между митрополитом Сергием и митрополитом Вениамином <http://stjhouse.narod.ru/biblio/Name/letters/let2.htm>
10. Созина Е. Символы. http://poetical.narod.ru/statii_s/glava3.htm